

В Диссертационный совет Д 401.001.02
в Федеральном государственном бюджетном
образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Российская государственная академия
интеллектуальной собственности»

ОТЗЫВ

на отдельные положения диссертации Хатунцева Олега Александровича **«Субъективные вещные права как разновидность абсолютных имущественных прав: проблемы теории и практики»** по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Подготовлен руководителем юридической службы АО «Фирма АйТи. Информационные технологии» (компания АйТи) Витко Вячеславом Станиславовичем, г. Москва, ул. Ленинская Слобода, д.19, корп. 6, Vvitko@it.ru, тел.: 8 (495) 974-79-79.

Диссертационное исследование Олега Александровича Хатунцева¹, посвященное анализу вещных прав, привлекло мое внимание тем, что в нем рассмотрены проблемы, относящиеся к сфере интеллектуальной собственности, по которым содержатся интересные суждения, выводы, порой спорные, но по которым можно вести научную дискуссию.

Исходя из собственных научных интересов, хочу остановиться на суждениях и положениях, вынесенных диссертантом на защиту, касающихся исключительного права.

Прежде чем обратиться к положениям, изучение которых, как известно, только и позволит сделать вывод об их объективной научной новизне и значимости диссертационного исследования, рассмотрю, в рамках научной дискуссии, взгляд диссертанта на затрагиваемые им вопросы интеллектуальной собственности.

Диссертант, в целях анализа содержания абсолютных прав, считает необходимым, что заслуживает полной поддержки, рассмотреть вопрос соотношения абсолютных имущественных прав с исключительными правами, поскольку «последние представляют собой часть имущественных прав» (С. 166).

Начну с утверждения о том, что «этот факт признается не только законодателем (ст. 1226 ГК РФ), но и практически всеми известными отечественными цивилистами» (С.166), не видится удачным, потому что из него можно вывести, что, возможно, диссертант считает, что исключительное

---

¹Хатунцев О.А. Субъективные вещные права как разновидность абсолютных имущественных прав: проблемы теории и практики: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. (далее указываю только номер страницы диссертации).

право якобы по своей физической природе, а не по установлению законодателя, является имущественным.

Далее, приводя мнения различных ученых (Э.П. Гаврилова, А.Л. Маковского и др.) об имущественном характере исключительного права, О.А. Хатунцев считает возможным утверждать, что «вышеназванные авторы, соглашаясь с позицией законодателя в том, что исключительное право является имущественным, не уделяют особого внимания соотношению исключительного права и вещных прав, не наблюдая, видимо, между этими правовыми категориями общих свойств» (С. 167).

Это утверждение видится несправедливым: очень трудно поверить в то, что, например, проф. Э.П. Гаврилов, не видит общих свойств у этих прав, и не указывал на них в своих научных работах.

Укажу, например, на статью «Законодательство об интеллектуальных правах...» (2014 г), в которой находим: «право собственности и иные вещные права, с одной стороны, и исключительные права - с другой, *имеют много общего*: они являются *абсолютными и исключительными*, а в их содержание входят *права пользования (использования) и распоряжения*»² (курсив мой – В.В.).

Диссертант, в свою очередь, указывает, что основное сходство вещных прав и исключительных заключается в том, что данные права: 1) относятся к категории имущественных; 2) являются абсолютными; 3) являются исключительными (включают запрет на их использование третьим лицам); 4) включают правомочия пользования (использования) и распоряжения (С.168).

Нетрудно заметить, что все эти общие черты ранее были отмечены проф. Э.П. Гавриловым. Кроме того, им указывается на еще одно принципиальное сходство исключительного права и права собственности: оба эти вида прав – едины и неделимы³.

Другие исследователи также не оставляют этот вопрос без внимания. Так, как справедливо отмечает А.А. Крыцула, проф. Г.Ф. Шершеневич выделял четыре общих признака этих прав: 1) в вещном- пользование вещами, с устранением всех прочих от пользования теми же объектами, в исключительном праве – возможность совершения действий с устранением всех прочих от подражания; 2) однородный круг пассивных объектов – все лица; 3) вещное и исключительное право возникает независимо от воли пассивных субъектов; 4) нарушителем вещного и исключительного права может быть каждый, позволяющий себе подобное действие⁴.

Исходя из этого, полагаю, трудно согласиться с утверждением

---

²Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Общие положения. XXI век. Издательство «Юрсервитум». М., 2015. С. 141.

³Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Общие положения. XXI век. Издательство «Юрсервитум». М., 2015. С. 429.

⁴Крыцула А.А. Особенности изложения концепции исключительных права в трудах Г.Ф. Шершеневича // Научные воззрения профессора Г.Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права (к 150-летию со дня рождения): Сборник материалов Международной научно – практической конференции (г. Казань, 1- 2 марта 2013 г.) / под ред. Д.Х. Валеева, К. Рончки, З.Ф. Сафина, М.Ю. Чельшева. М., Статут. 2014. С. 470.

диссертанта, что проблема общих признаков не подвергалась в науке достаточному исследованию.

Далее О.А. Хатунцев пишет, что в то же время между ними есть принципиальное различие: вещные права включают право владения, исключительные права такого права не знают. Поэтому исключительные права нельзя считать разновидностью вещных прав. Аналогичной точки зрения придерживается М.А. Федотов⁵ (С. 168).

Утверждение правильное и в доктрине является общепризнанным.

Например, проф. Э.П. Гаврилов пишет, что в соответствии с п. 1 ст. 209 ГК РФ собственнику принадлежат три правомочия: 1) владения, 2) использования и 3) распоряжения своим имуществом. А обладателю исключительного права принадлежат два правомочия: 1) использования охраняемого результата и 2) распоряжения своим исключительным правом (ст. 1229 ГК). Из этого ученый выводит, что у обладателя исключительного права отсутствует правомочие владение, потому что «владеть» идеей нельзя⁶.

Полагаю нужным отметить, что если обратиться к упомянутой диссертантом статье проф. М.А. Федотова (2013 г.)⁷, то мы увидим, что в ней автор обстоятельно анализирует несколько иной вопрос - содержание презумпции независимости интеллектуальных прав от вещных прав на материальный носитель, в котором выражены охраняемые результаты, т.е. норму, содержащуюся в п.1 ст. 1227 ГК РФ. При этом попутно отмечая, что право собственности подчиняется правилам раздела II ГК РФ, а права интеллектуальной собственности - правилам раздела VII ГК РФ.

В этой статье проф. М.А. Федотовым не была подвергнута анализу правило о том, что «к интеллектуальным правам не применяются положения раздела II настоящего Кодекса, если иное не установлено правилами настоящего раздела»⁸ (п. 3 ст. 1227 ГК РФ), ведь, как известно, это правило было введено законодателем позже (2014 г.).

В качестве обобщающего вывода, диссертант предлагает, как первый тезис защищаемого положения (№ 11), авторское определение исключительного права: «Исключительные права представляют собой вид абсолютных имущественных прав, которые возникают по поводу охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации и предоставляют субъекту юридически обеспеченную свободу осуществлять над указанными объектами правомочия пользования и (или) распоряжения» (С. 168).

---

⁵ Федотов М.А. О презумпции независимости прав интеллектуальной собственности от вещных прав // Труды по интеллектуальной собственности. М., 2013. № 3. С. 4-17; Федотов М.А., Федотова К.М. Авторско-правовой контекст «казуса Пигмалиона» // Право интеллектуальной собственности и информационное право: проблемы правоприменения / Труды по интеллектуальной собственности. М., 2013. № 3. С. 7-25.

⁶ Гаврилов Э.П. Указ. соч. С. 195.

⁷ Федотов М.А. О презумпции независимости прав интеллектуальной собственности от вещных прав // Труды по интеллектуальной собственности. М., 2013. № 3.

⁸ Этот пункт введен Федеральным законом от 12.03.2014 г. № 35-ФЗ

Ввиду отсутствия в IV части ГК РФ дефиниции исключительного права, представляет научный интерес предложенное диссертантом определение. Рассмотрим, в чем состоит новизна авторского определения, а также возможность его практического применения.

В дефиниции содержится указание на *абсолютный* характер права, что, бесспорно, является признаком исключительного права. Во-первых, этот признак прямо выводится из п.1 ст. 1229 ГК РФ: правообладатель может *запрещать другим лицам* использование охраняемого результата, тем самым указывается на абсолютный характер этого права. Во-вторых, и в доктрине этот признак является общепризнанным: «запрещением всем прочим возможности подражания»⁹ (Г.Ф. Шершеневич); «запрещение всем прочим» (В.И. Серебровский¹⁰); «исключительное право и есть абсолютное право на нематериальные объекты» (В.А. Дозорцев); все третьи лица должны воздерживаться от нарушения прав носителя¹¹ (И.А. Близнец).

Представляется, что тезис о том, что «интеллектуальные права» являются разновидностью абсолютных прав¹², является общепризнанным, но новые возможные аргументы в защиту этой черты исключительного права были бы интересны.

Указание на *имущественный* характер исключительного права также является бесспорным. Имущественная природа исключительного права установлена законом (ст. 1226 ГК РФ). Но, что важно, хорошо было бы видеть акцент автора на то, что исключительные права являются имущественными *по прямому указанию закона*. Кроме того, ожидаемы собственные аргументы в защиту этой особенности (свойства) исключительных прав, но их мы, к сожалению, не находим.

Использование в определении слова «возникают», исходя из его значения – «появляться, зарождаться» (словарь Ушакова), видится, на мой взгляд, не совсем точным: в легальной дефиниции подчеркивается, что исключительные права «признаются» *законом* (ст. 1226 ГК РФ), что является одной их особенных черт исключительного права. Замечу, что хотя в ст. 8 ГК РФ и говорится о том, что «гражданские права и обязанности возникают» (п.1), но по смыслу этой нормы, слово «возникает» относится к основаниям возникновения прав (обязанностей), а не объектам гражданских прав.

Использование выражения - «по поводу», значение которого - относительно чего-либо (словарь Даля), также не видится точным: по смыслу этих слов получается, что права возникают относительно охраняемых

---

⁹ «Предоставление известным лицам исключительной возможности совершения известных действий с запрещением всем прочим возможности подражания».

¹⁰ «Под исключительными правами в теории гражданского права обычно понимаются субъективные права, обеспечивающие их субъектам исключительные правомочия на совершение известных действий, с одновременным запрещением всем прочим лицам без согласия субъектов этих прав совершения указанных действий» (Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М., 1956. С. 23).

¹¹ Близнец И.А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: теоретико – правовое исследование: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 165.

¹² Гаврилов Э.П. Указ. соч. С. 188.

результатов. Закон, в свою очередь, говорит, что исключительные права признаются *на* результаты интеллектуальной деятельности, что видится более правильным.

Полной поддержки заслуживает указание в определении на то, что исключительное право устанавливается не на все результаты интеллектуальной деятельности, а только на объекты, определенные *законом* – «охраняемые результаты». Но это обстоятельно подчеркивается многими: закон предоставляет право в отношении результатов, установленных самим законом¹³.

Положительное содержание исключительного права у диссертанта выражено словами: предоставление «субъекту юридически обеспеченную свободу осуществлять над указанными объектами правомочия пользования и (или) распоряжения».

Выражение - «юридически обеспеченную свободу» очень напоминает «юридическую возможность»¹⁴ (Г.Ф. Шершеневич), а в законе выражается словами - «по своему усмотрению» («граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права» (п. 1 ст. 9 ГК РФ)).

В определении диссертант указывает на два правомочия правообладателя (положительное содержание права): 1) пользование охраняемым объектом и (или) 2) распоряжение *охраняемым объектом*.

Употребление диссертантом союза «или» позволяет сделать вывод о том, что он допускает возможность того, что исключительное право может включать в себя или право использования или право распоряжения. Это не видится правильным, ведь исключительное право, по существу, «сводится к *праву использования*, которое в некоторых случаях включает в себя *право распоряжения* этим исключительным правом»¹⁵. То есть исключительное право не может не содержать правомочия использования, но может не содержать права распоряжения в отношении некоторых охраняемых результатов.

При этом, если в отношении вещей, по общему мнению, верно говорить об их *пользовании*, то в части объектов интеллектуальной собственности, как полагают многие исследователи, точнее говорить об *использовании* теми или иными способами (правомочия). Обращу, к примеру, внимание на мнение проф. М.В. Волынкиной, которая считает, что исключительное право не имеет правомочия «пользование», но содержит *право использования*, которое означает возможность правообладателя использовать результат интеллектуальной деятельности, в том числе вовлекать в экономический оборот права на него, т.е. распоряжаться правом¹⁶.

¹³ Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922 – 2006). М., Статут. 2010. С. 623.

¹⁴ Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань. 1891.

¹⁵ Гаврилов Э.П. О проекте части четвертой ГК РФ о праве интеллектуальной собственности // Хозяйство и право. 2006. № 11.

¹⁶ Волынкина М. Содержание исключительного права: право запрета как принцип абсолютного права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права, 2012. № 9. С. 8.

То, что пользование (использование) охраняемым объектом входит в состав исключительного права и что объектом этого правомочия является сам охраняемый результат, является правильным и это общепризнано. Но нельзя согласиться с другим утверждением диссертанта о том, что объектом *правомочия распоряжения* является *результат интеллектуальной деятельности*, а не исключительное право на него.

Законодатель, как известно, указывает на следующие правомочия правообладателя: 1) использовать охраняемый результат, 2) распоряжаться исключительным правом на этот результат (п.1 ст.1229 ГК РФ).

В доктрине права господствующим мнением признается, что объектом распоряжения является именно исключительное право на охраняемый результат. Так, например, проф. М.В. Волюнкина, раскрывая содержание правомочия «распоряжение», пишет, что «правообладатель может предоставить *право использования* интеллектуальной собственности другому лицу»¹⁷ (курсив мой – В.В.), т.е. что объектом распоряжения является именно право на охраняемый результат, а не сам идеальный объект.

Видится досадным, что в авторском определении один из квалифицирующих признаков исключительного права – *распоряжение* этим *правом*, выражен неудачно.

Представляется, что определение только бы выиграло, если бы содержало указание на использование охраняемого результата «по своему усмотрению», что подчеркивало бы установления права использования *законом*, а не договором.

Отсутствие в определении указания на то, что исключительное право «подлежит защите», на мой взгляд, является правильным, так как любое субъективное право подлежит защите, поэтому не может является особенностью только исключительного права.

Но анализ этого вопроса, который в науке является дискуссионным: ряд исследователей считают, что право на защиту есть *внутреннее* свойство всякого субъективного гражданского права (В.А. Хохлов¹⁸), другие ученые полагают, что право на защиту есть *отдельное* субъективное право (И.А. Зенин¹⁹, М.В. Волюнкина²⁰), на мой взгляд, придал бы исследованию диссертанта еще большую обстоятельность и глубину.

Резюмируя, вынужден сказать, что мне не удалось усмотреть в чем состоит новизна предложенного диссертантом определения исключительного права: в нем правильно указаны отличительные признаки исключительного права – «абсолютное», «имущественное», «устанавливается законом», но за ними стоит общее мнение, и поэтому они не могут, по всем видимости, составить предмет защиты.

---

¹⁷ Волюнкина М. Там же.

¹⁸ Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: Учебное пособие. М., Статут. 2015. С. 55.

¹⁹ Зенин И.А. Проблемы российского права интеллектуальной собственности (избранные труды) М., Статут. 2015. С. 41.

²⁰ Волюнкина М. Исключительное право как мера возможного или дозволенного поведения // Авторское право и смежные права. 2013. № 9. С. 7.

Второй тезис рассматриваемого положения состоит в том, что «юридическая и экономическая ценность исключительного права состоит в том, что оно является правовым механизмом, посредством которого результаты интеллектуальной деятельности... вводятся в гражданский оборот» (С. 168).

Это утверждение заслуживает полной поддержки, но признать его новым затруднительно и встречается, например, у А.Л. Маковского.

При этом спорным видится правильность утверждения диссертанта о том, что результаты интеллектуальной деятельности вводятся в *гражданский* оборот, т.е. что именно они являются объектом гражданского оборота.

Ведь по общему мнению под гражданским оборотом понимается переход «имущественных прав»²¹ (О.А. Красавчиков), «прав вещных и обязательственных»²² (К.И. Скловский), «имущественных прав»²³ (А.О. Рыбалов).

Условиями оборотоспособности блага являются: 1) отнесение блага законом к объекту права, 2) возможность его отчуждения по установлению закона. При этом возможность перехода объектов права определяется не физическими свойствами того или иного блага («характером»), а устанавливается законом.

В частности, исключительное право 1) является *объектом* гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), т.к. имущественное (необходимое условие), 2) может отчуждаться от одного лица к другому, в случаях, установленных законом (достаточное условие) (п. 4 ст. 129 ГК РФ), следовательно, оно является оборотоспособным, если законом не установлено иное.

Такой вывод является господствующим в доктрине: исключительное право является имущественным правом и поэтому является предметом гражданского оборота²⁴ (А.Л. Маковский, Э.П. Гаврилов и др.).

Но допустимо говорить, что объективно выраженный результат интеллектуальной деятельности может участвовать в экономическом обороте, представлять собой специфический товар - интеллектуальную собственность²⁵.

Также обращает на себя внимание вывод О.А. Хатунцева о том, что «у охраняемых результатов интеллектуальной деятельности... отсутствует оборотоспособность, поскольку их участие в гражданском обороте осуществляется через отчуждение либо иной переход исключительных прав» (С. 169).

То, что объекты интеллектуальной деятельности необоротоспособны,

²¹Красавчиков О.А. Советский гражданский оборот (понятие и основные элементы) // Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. Т. 5. М.: Госюриздат. 1957. С. 26. *Цит по: Рыбалов А.О.* Экономические блага и гражданский оборот // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут. 2007. С. 86.

²²Скловский К. Механизм перехода права и последствия цессии // Хозяйство и право. 2002. № 2. С. 60.

²³Рыбалов А.О. Экономические блага и гражданский оборот // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., Статут. 2007. С. 92.

²⁴Маковский А.Л. Указ. соч. С. 591.

²⁵Близнец И.А. Указ. соч. С. 92.

следует из их физической природы: это идеальные объекты (образы, «идеи»), поэтому законодатель, как общеизвестно, и указал, что 1) «результаты интеллектуальной деятельности... не могут отчуждаться» (п. 4 ст. 129 ГК РФ), но 2) права на такие результаты... могут отчуждаться... в случаях и в порядке, которые установлены настоящим Кодексом» (п. 4 ст. 129 ГК РФ).

Исходя из этого, представляется, что оборотоспособность исключительного права не может являться причиной необоротоспособности охраняемых результатов. Кроме того, правило о необоротоспособности охраняемых результатов воплощено в нормах закона, поэтому возникает вопрос – есть ли необходимость защищать такой вывод?

Диссертант, отмечая развитие инновационных технологий, говорит о необходимости модернизации правового регулирования исключительных прав, а также их теоретического исследования для выявления ранее неизвестных функций.

В качестве примера такого исследования, указывает на работы проф. М.В. Волинкиной, разработавшей гипотезу существования системы исключительных прав, включающей как само исключительное право, так и право использования охраняемого результата интеллектуальной деятельности, названное данным ученым ограниченным исключительным правом²⁶ (С. 169).

Если быть совсем точным, то проф. М.В. Волинкина говорит не о *системе* исключительных прав, а о том, что в состав *интеллектуальных прав* должны входить не только указанные законодателем права: 1) исключительные права, 2) личные неимущественные права, 3) иные права (ст. 1226 ГК РФ), но и ограниченные исключительные права²⁷, под которым понимается право использования охраняемого результата, получаемого лицензиатом по лицензионному договору, считая его новым самостоятельным субъективным правом»²⁸.

На мой взгляд, диссертант, предлагая к защите авторское определение исключительного права не должен был бы оставить без внимания точку зрения проф. М.В. Волинкиной, согласно которой право использования охраняемого результата лицензиата, которое он получает по лицензионному договору, есть ограниченное *исключительное право*.

Диссертант, защищая положение о том, что одним из признаков исключительного права является его абсолютный характер, видимо должен был бы посмотреть с этой точки зрения на доводы М.В. Волинкиной в пользу квалификации права использования как исключительного права (ограниченного): 1) наличие у лицензиата реальной *монопольной поведенческой возможности*, обеспечиваемой законом, использовать

²⁶Волинкина М.В. Исключительное право как мера возможного или дозволенного поведения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2013. № 9. С. 5-11. Она же. Ограниченные исключительные права: мистика или реальность? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2013.

²⁷Волинкина М. Исключительное право как мера возможного или дозволенного поведения // Авторское право и смежные права. 2013. № 9. С. 11.

²⁸Волинкина М. Указ. соч. С. 8.

охраняемый результат интеллектуальной деятельности в пределах, обозначенных в договоре, 2) *право требовать известного поведения* о всех обязанных лиц²⁹ (курсив мой – В.В.)

В рамках научной дискуссии возьму на себя смелость высказать свое мнение по этому вопросу.

Основываясь на господствующем понимании исключительного права как «*исключительной возможности совершать известные действия с запрещением всем прочим возможности подражания*»³⁰, права пользователя, на мой взгляд, не могут являться по своему содержанию *исключительными*: 1) пользователь не может *никому* запретить (исключить) пользоваться произведением, правом на использование которого он обладает; 2) точно таким же правом использования произведения может обладать неопределенное число субъектов права, ведя при этом мирное *modus vivendi* (сосуществование), следовательно, нельзя говорить о монопольном использовании; 3) пользователь не может *своей волей* (по своему усмотрению) распоряжаться предоставленными ему правомочиями, т.е. не обладают признаком абсолютного права.

Впрочем, это только мое мнение, и я могу ошибиться.

В отзыве мною рассмотрены дискуссионные вопросы, относящиеся к сфере интеллектуальной собственности. При этом в части научных положений, относящихся к проблемам вещных прав, считаю нужным сказать, что автор своим обстоятельным, интересным исследованием сделал свой вклад в науку вещного права, а именно: сформировал новое определение субъективного вещного права как разновидность абсолютных имущественных прав (положение № 1); разработал авторское определение сервитута (положение № 7), сформулировал правовое понятие вещей (положение № 8), «иного имущества» (положение № 12).

Таким образом, заслуживает безусловного одобрения обстоятельный подход диссертанта к проблемам, избранным им в качестве объекта исследования. Диссертант при подготовке исследования использовал большое количество нормативных актов и литературных источников, позволяющем говорить о масштабности, целостности и глубине работы.

Отмечая достоинства и высокий научный уровень диссертации, следует заметить, что представленная О.А. Хатунцевым работа, как и всякий многоаспектный научный труд содержит ряд положений, которые могут быть основой для научных дискуссий.

Диссертационное исследование содержит решение крупной научной задачи, которое найдет применение в процессе дальнейших исследований проблем вещного права, и несмотря на отмеченные дискуссионные моменты, которые не уменьшают теоретической значимости проведенного исследования, диссертация О.А. Хатунцева на тему «Субъективные вещные

²⁹ Волынкина М. Указ. соч. С. 8-9.

³⁰ Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. С. 72.

права как разновидность абсолютных имущественных прав: проблемы теории и практики» полностью соответствует критериям «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 74 от 30.01. 2002 г., предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, и ее автор заслуживает присвоения ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Руководитель юридической службы
АО «Фирма АйТи. Информационные технологии»

Витко В.С.

Подпись Витко В.С. удостоверяю

Генеральный директор
АО «Фирма АйТи. Информационные технологии»

Бакиев О.Р.

30 ноября 2015 г.

